

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

Научная статья

Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора

Л.П. Дианова

МГИМО(У)

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена осмыслению функционального диапазона заимствованной лексики в русскоязычном художественном тексте билингвального автора. В современной науке существует мнение, что этот диапазон ограничен конкретно-номинативной функцией. Более того, некоторые исследователи считают, что факт заимствования лексики из этнического языка является показателем интерференции, то есть в широком смысле свидетельствует о неосознанном, зачастую ошибочном включении иноязычного слова в художественный текст. Опираясь на современные исследования в области художественного билингвизма, мы опровергаем этот тезис и стремимся показать, что функциональная нагрузка заимствований в произведениях словесного творчества весьма существенна: лексические единицы с национально-культурным компонентом играют важную роль в тексто- и сюжетообразовании, обладают концептуальным, архетипическим, символическим содержанием, выступают сигнификаторами онтоязыкового бытия и выполняют эстетическую функцию.

Ключевые слова: художественный билингвизм, национальная языковая картина мира, заимствованная лексика, тюркизмы, функции заимствований, интерференция

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2020

Дата принятия к печати: 16.03.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дианова Л.П. Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 194–206. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

© Дианова Л.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author

L.P. Dianova

MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to understanding the functional range of borrowed vocabulary in the Russian-language literary text of a bilingual author. In modern science, there is an opinion that this range is limited to a specific nominative function. Moreover, there is a research position that the fact of borrowing vocabulary from an ethnic language is an indicator of interference, that is, in a broad sense, it indicates an unconscious, often erroneous, inclusion of a foreign language word in a literary text. Based on modern research in the field of literary bilingualism, we refute this thesis and strive to show that the functional load of borrowings in works of verbal creativity is very significant: lexical units with a national-cultural component play an important role in text and plot formation, have conceptual, archetypal, symbolic content, act as signifiers of onto-linguistic being and perform an aesthetic function.

Key words: literary bilingualism, national linguistic picture of the world, borrowed vocabulary, Turkisms, functions of borrowings, interference

Article history:

Received: 08.12.2020

Accepted: 16.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dianova, L.P. 2021. “Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 194–206. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

Введение

В художественных текстах этнически нерусских билингвальных авторов, выбравших языком творчества русский язык, достаточно часто встречаются заимствованные слова из этнического языка. Определять их как издержки интерференции, характерной для речевой культуры билингвов, некорректно, когда речь идет о творческих личностях, считают исследователи русско-инонационального литературного билингвизма. Так, рассматривая специфику лексики русскоязычных художественных текстов этнических белорусов, С.А. Гринберг пишет, что «употребление белорусских языковых элементов (белорусизмов) в русскоязычных текстах белорусских авторов обусловлено особенностями структуры художествен-

ного текста, эстетическими законами, а не являются результатом интерференции» [1. С. 62—63]. Полемизируя с А.А. Гируцким, полагающим, что включение в текст лексических единиц этнического языка является фактом интерференции, С.А. Гринберг выделяет принцип сознательного и тщательного отбора автором того или иного лексического элемента. Селекция лексического материала указывает на то, что перенос определенного слова из одной языковой системы в другую является актом сознательного включения иноязычного слова в ткань художественного текста, а не ошибкой. При этом каждая лексическая единица, заимствованная из этнического языка, выполняет в нем соответствующую функцию: номинативную, символическую, текстообразующую и др.

А.А. Гируцкий предлагает рассматривать интерференцию в художественном тексте с точки зрения узкого и широкого подходов. В первом случае анализу подлежат факты неосознанного употребления автором (например, белорусских) языковых элементов, то есть речевые ошибки. Во втором к фактам интерференции относятся все случаи использования единиц этнического языка вне зависимости от выполняемых ими функций [2. С. 16]. С.А. Гринберг приводит контраргументы к выдвинутым тезисам: 1) высокая речевая культура автора и переводчика ограничивает возможности совершения им неосознанных лексических ошибок; 2) употребление белорусских языковых элементов обуславливается особенностями структуры художественного текста, эстетическими законами, а не является результатом взаимодействия двух языковых систем [1. С. 62—63].

Важно подчеркнуть, что автор (в частности, автор-билингв) отбирает каждое слово в процессе создания художественного произведения, чтобы оно не только заняло соответствующую позицию в архитектонике целого, но и могло служить кодом доступа к постижению принципиально иного этнического мироощущения. В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер размышляет о том, что прекрасное (категория эстетики) «покоится в форме», которая некогда «высветлилась» из бытия «как существенности сущего». Способ бытийного пребывания внутри художественного творения становится *actualitas*, *actualitas*, в свою очередь, превращается в действительность; та обретает предметность, предметность становится переживанием. Бытие и сказывание, по мысли философа, «взаимно сопринадлежны» [3]. Отсюда закономерен вывод: каждое слово, отобранное автором, участвует в процессе художественного творения. Если же творение, по мысли Хайдеггера, имеет своей высшей целью истинность сопричастности миру, истинны должны быть и вещественные элементы этого мира. «Быть творением значит воссоставлять свой мир», — отмечает М. Хайдеггер в главе «Творение и истина». Не это ли — воссоставление *своего* мира — пытаются осуществить билингвальные авторы, творящие не на «материнском языке», а на языке-посреднике? В таком случае каждое заимствованное из этнического языка слово наделяется в художественном тексте дополнительными функциями, имеющими онтологическую значимость.

В первую очередь, это функция эстетическая. Мы подразумеваем здесь не столько категорию прекрасного, воплощенную в произведении искусства, сколько способность некой эмпирической формы, заданной художественному творению, быть изоморфной внутренней его форме, то есть тому образу мира, который

«построется на основе данного художественного произведения, но не совпадает с ним» [4]. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» пишет: «...тем не менее эстетический объект все же многосторонен, конкретен, как и та познавательно-этическая действительность (переживаемый мир), которая в нем художественно оправдывается и завершается, притом наиболее конкретен и многосторонен этот мир художественного объекта в словесном творчестве... Изображаемый словом эстетический объект ... имеет внутреннюю пространственную художественно значимую форму, словами же произведения изображаемую» [4. С. 88–89]. Следовательно, слово в художественном тексте — это единица эстетического уровня; это тем более справедливо в отношении заимствованных слов, которые выступают маркерами иной лингвокультуры, а потому наделяются множественными этнокультурными коннотациями и могут квалифицироваться как сигнификаторы определенных представлений, ценностей, скриптов этнического коллектива.

По мнению У.М. Бахтикиреевой, использование в художественном тексте лексики с национально-культурным компонентом семантики является одним из важных параметров текстообразования. Заимствования — тюркизмы, архаизмы, историзмы, которые можно определить как «слова — свидетели эпохи», — обладают уникальным свойством безэквивалентности и апеллятивности к иному культурному фону. Назначение этой лексики — быть средством описания внутренней жизни персонажа, переживаемых им психических состояний, в том числе с помощью приема психологического параллелизма. У.М. Бахтикиреева приходит к выводу, что в структуре художественного текста лексика с национально-культурным компонентом выполняет тексто- и сюжетообразующую функции, когда посредством лексических единиц происходит сцепление отдельных сюжетных ситуаций (макро- и микропропозиций). При этом заимствованное слово выступает как знак авторской модальности: именно в выборе средств образительности в процессе моделирования художественной реальности проявляется авторское отношение к миру. Национально-маркированная лексика, как полагает исследователь, может рассматриваться в характерологическом аспекте: в этом случае она становится базисом для создания портретной зарисовки действующих лиц и может быть направлена на раскрытие доминантных качеств личности персонажа. В терминологии Б.Р. национально-маркированная лексика может быть дефинирована как сенсibiliческая. Сенсibiliии — элементы ментально-лингвального комплекса человека, которые наряду с трансляцией определенной информации о мире передают и конкретные ощущения.

Следующая функция, которую выделяет У.М. Бахтикиреева, — описательно-изобразительная. Безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика в структуре описаний экстерьера и интерьера произведения способна через внешние детали выявить внутреннюю сущность героя и дать авторскую оценку изображаемого мира.

Заимствованная лексика может нести символическую нагрузку, то есть в семиотическом аспекте представлять собой знак с конвенциональным и неконвенциональным значением и индивидуально-авторским периферийным компонентом в семантической структуре слова [5. С. 13–15].

О.А. Корнилов группирует национально-специфическую лексику по следующим типам:

- обозначения специфических реалий (номинативная функция);
- обозначения универсалий, имеющих специфические прототипы;
- обозначения специфических абстракций [6. С. 147].

Выделим еще несколько функций заимствованной лексики, которые видятся нам значимыми.

Архетипическая функция. Заимствованное слово всегда воспринимается в синтагматике текста (в нашем случае русскоязычного) как ксенофон, в нем безошибочно улавливается (как на уровне графики, так и на уровне семантики, зачастую для читателя лакунарной, «нулевой») «отголосок» бытия иной культуры, иного жизненного уклада и контекста существования. Если отдельное заимствование нельзя назвать архетипом, то комплекс слов, объединенных тематически, способен реконструировать ту или иную культурную универсалию, жизненно важную для определенного этноса. Несмотря на то, что архетипы представляют собой универсальные паттерны коллективного бессознательного, ядро которых репликативно для всех этнических сообществ, их ближайшая периферия всегда национально-вариативна, наполнена эмпирическим материалом экзистенции сообщества, его культурными достижениями, представлениями, мифологемами.

Кумулятивная функция. Национально-специфическое слово, вербализующее соответствующий конструкт, представляет собой ячейку ментальности, накапливающую коллективный опыт, базовые знания о мире, аксиологические ориентиры. С накоплением представлений и знаний связаны и определенные стандарты поведения в том или ином обществе.

Гносеологическая функция. Культурно-маркированная лексика запускает в воспринимающем сознании читателя процесс познавательного круга, когда личный опыт обогащается коллективным, а коллективный уточняется индивидуальным.

Транслятивная функция. Информация об инокультурных реалиях передается коллективному адресату посредством художественного текста.

Аксиологическая функция. Это функция, обеспечиваемая наличием ценностных параметров в культурно-маркированной лексической единице, закладывает представления о таких этноспецифических категориях, как представления о гармонии/хаосе, благе/зле, правильном/неправильном.

Концептуальная функция. В конечном счете этнокультурные маркеры формируют в воспринимающем сознании определенную картину мира, то есть совокупность представлений (концептов) сообщества о его сущности, системе, процессах.

Экспланаторная функция. Зачастую инокультурные языковые единицы семантически лакунальны для адресата; однако при наличии авторского (герменевтического) комментария они способны объяснить читателю значимые для иной культуры реалии, стереотипы, эталоны, предписания и ценности.

Иными словами, индивидуальный, художественный билингвизм не следует приравнять к коллективному / массовому двуязычию.

Обсуждение

О функциях заимствований в произведениях русских авторов

Заимствованные слова, и в частности тюркизмы, проникали в русскую речевую культуру не только в силу торговых и социально-культурных взаимосвязей между русским и тюркскими народами, но и непосредственно через произведения русских писателей. Отражая национальную тематику иного (тюркского) мира в русской литературе, русские авторы способствовали широкому проникновению заимствований в русскую речь [7]. Особенно в XVIII—XIX веках в произведениях русских романтиков тюркизмы начинают соперничать с галлицизмами, англицизмами, германизмами и др.

В литературе, посвященной восточным темам, А. Бестужев-Марлинский, А. Пушкин, Ю. Лермонтов, Л. Толстой, В. Марков, А. Подолинский, О. Сенковский, В. Тепляков и др. прибегали к включению тюркизмов для создания «восточного колорита». Так, например, в ставшей хрестоматийной повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», в таких произведениях М.Ю. Лермонтова, как «Аул Бастанджи», «Ашик—Кериб (Турецкая сказка)», «Измаил Бей», «Демон (Восточная повесть)» и др. тюркизмы символизируют представления о картинах мира иных народов, тогда еще крайне мало известных русскому сознанию. Значительным в этом смысле стало известное пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Частотность использования тюркизмов в этом произведении довольно высока. Здесь А.С. Пушкин наряду с утерявшими восточную экзотичность словами тюркского происхождения *базар*, *диван*, *кибитка* и др. обращается к более поздним заимствованиям. Здесь и лексические единицы, именуемые *лицо* (*аллах*, *аманат*, *бек*, *гяур*, *дервиш*, *мулла*, *паша*, *янычар* и др.), и предметы (*арба*, *аул*, *базар*, *барабан*, *башлык*, *бурдюк*, *бурка*, *караван-сарай*, *коран*, *чадра*, *чекмень*, *шашлык* и др.).

В XX веке этнически русские поэты и писатели, живущие внутри другой национальной культуры, также широко способствовали проникновению тюркизмов в русскую речь (О. Постников, Р. Тамарина, Н. Буканов, В. Качаев, Н. Красильников, Н. Куликов, Н. Лукьянов, В. Шаповалов) [7. С. 17—18]. Привлечение этнически русскими авторами заимствований обусловлено бикультурной средой, стыком русской и тюркских культур. Таким образом, культура иного народа, внутри которого формируется творческая личность, становится неотъемлемой частью «художественно-эстетического мира» творческой личности [8. С. 41]. Отсюда и тщательный отбор заимствованной лексики. В одних случаях она привлекается для обозначения отсутствующего понятия в первичной культуре, в других — для создания национальных образов иных культур. Не случайно, анализируя дифференциацию заимствованных слов в русской поэзии и прозе, ученые разделяют тюркизмы с точки зрения их назначения и выполняемых ими функций на лексические / номинативные и стилистические / эстетические [8. С. 17]. Таким образом, можно говорить о том, что тюркизмы в художественной «литературе пограничья», созданной этнически русскими писателями, привлекаются не только с целью номинации отсутствующих в русской культуре предметов и явлений, но и для выполнения художественных / эстетических функций.

В качестве примера приведем фрагменты из статьи З.К. Темиргазинной [8. С. 29—43], посвященной изучению произведений русского поэта Павла Васильева, выросшего внутри казахстанской культуры. Анализируя лирические произведения этого поэта, ученый отмечает их транскультурность. Основываясь на методологии транскультурной литературы (М.В. Тлостанова и др.) в процессе анализа, исследователь характеризует поэзию П. Васильева как транскультурную и относит ее к так называемой пограничной литературе. «Транскультурность находит выражение на внешнетекстовом уровне художественных произведений: в тематике, в иноязычных вкраплениях и вставках» [8. С. 35—36]. К примеру, приводя в статье фрагменты стихотворений, З.К. Темиргазина относит к внешнему уровню проявления транскультурности следующие тюркизмы: *юрта, аркан, касэ, джигит, урман, кумыс, бурдюк, малахай, найпаки* [8. С. 29—43]. «Что гораздо важнее, транскультурная сущность авторского сознания создает гибридные тексты, содержащие симбиотическую семиотику словесных образов, демонстрирующие гибридные каноны и символы, в которых соединяются элементы казахских и русских культурных стереотипов и кодов, непротиворечиво сосуществующих в художественном мире Васильева. В результате создается специфическая в семиотико-эстетическом плане поэтическая картина мира, обогащенная парадигмами двух различающихся культур, которая является уникальным вкладом в русскую литературу и культуру» [8. С. 29—43].

Е.Н. Кремер, изучая «гибридные» художественные тексты, в частности произведения родившегося в Баку и жившего там до 25-летнего возраста современного писателя Афанасия Мамедова, также отмечает соединение элементов двух культур — азербайджанской и русской [9. С. 139—143]. Так, анализируя авторский сборник А. Мамедова «Время чётков», Е.Н. Кремер замечает, что каждый русский читатель осознает национальную самобытность этих текстов. Приведем несколько примеров: «Казалось, им пропитан самый воздух Карабаха — горный, прозрачный, чистый-чистый, как песня *ашугов, сазандаров...* Как понеслась легко и свободно тутовка до самых кончиков пальцев, точно ширазская джанги... Певец с усами ниточкой над эфиопскими губами и голосом евнуха пел томные, как хорасанские сады, как минареты долгие — мугаммы... Глаза свои вылупил, как байгуш... Тётя Нигяр, тоненькая, будто струны тара...» и др. [9. С. 139—143].

Говоря об образной системе А. Мамедова, Е.Н. Кремер пишет, что особая, иная система образов погружает русскоязычного читателя в окружающую действительность, жизнь, конкретные реалии, быт, обычаи, традиции и в целом — азербайджанскую культуру. Носитель русской языковой культуры, не владеющий азербайджанским языком, получает из этих текстов не только источник информации, «но и нечто большее — то, что завораживает читателя в процессе чтения» [9. С. 143]. Вывод о гибридности текстов этого писателя подтверждается и мнением другого ученого: «Мамедов создает гибридное воображаемое пространство как столкновение реального, “родного” топоса Баку (утраченного Эдема его детства) и другого, чужого, так и не освоенного топоса Москвы, где только небольшие и тщательно выбранные островки могут стать родными для героя. Наконец, он создает и абсолютно воображаемое гибридное пространство “между”... Рушди, вероятно, назвал бы этот фантазмагорический гибридный мир “Ба-сквой”» [10].

Благодаря заимствованиям создается особая, аутентичная в культурном плане система образов, формирующаяся за счет лексики с национально-культурным компонентом и способности трансформировать синтаксическую систему русского языка не только с целью создания экзотического колорита изображаемого мира, но и для того, чтобы усилить иллюзию присутствия читателя в новой для него системе образов и неожиданном культурном контексте. В этом случае эстетические функции заимствований имеют текстообразующий и сюжетобразующий характер.

О функциях заимствований в русскоязычных художественных текстах нерусских авторов

В русскоязычных произведениях киргиза Чингиза Айтматова, абхаза Фазиля Искандера, казаха Олжаса Сулейменова и многих других этнически нерусских писателей читатель довольно часто встречается с заимствованной лексикой из этнического языка автора, например: *ниада* и др. у Ф. Искандера, *манкурт*, *шири*, *атан*, *кайманча* и целый ряд других тюркизмов у Ч. Айтматова. Как правило, эти лексические единицы транслитерируются, передаются русской графической системой, склоняются по законам русского языка. Кроме того, встречается в поэтических и прозаических текстах «эксплуатация» синтаксических возможностей русского языка.

По всей видимости, известный российский ученый, специалист по литературе XX века Н.Л. Лейдерман, размышляя о том, как создается в русскоязычных текстах нерусских авторов особая национальная картина мира — «та самая иллюзия “нерусского” видения мира в одежде русского слова», пишет о том, что «типы образных ассоциаций — это механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций» [11. С. 44]. Пожалуй, в заимствованных лексических единицах, синтаксических конструкциях и отражаются порожденные «условиями жизни — природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века» те «самые мельчайшие архетипы национального сознания», на которые указывал Н.Л. Лейдерман. Национальные образные ассоциации достаточно осязаемы, «ведь мы говорим о грузинском юморе, основанном зачастую на материализации метонимий, или об экзальтированности и склонности к гиперболизму в еврейской обыденной речи, или о доходящей до буквализма предметности речи у народов Севера, мы достаточно отчетливо различаем по темпоритму и синтаксису напевную украинскую речь и клокочущую речь кавказца и т.д., и т.п.» [11. С. 44].

Попытаемся рассмотреть функции заимствованной лексики в поэтических произведениях тувинского писателя Э.Б. Мижита. Мижит вошел в тувинскую поэзию как несомненный новатор. Благодаря созданным им верлибрам и *ожук дажы* — сакральным тувинским трехстишиям, раскрывающим связь между человеком и его священным жизненным пространством, — сформировалась так называемая поэзия мысли, отличительной особенностью которой стало осмысление лирическим героем факта своего существования внутри Бытия — исторического, панхронического, социального. Лирический герой Мижита — это личность, находящаяся на перекрестке культур, времен, рационального и бес-

сознательного. В некотором смысле это личность метафизически «расщепленная» (мотив двойничества у Мижита рекуррентен), однако перманентно стремящаяся к обретению изначальной божественной целостности. В этом проявлен не только гераклитовский императив к познанию внешнего бытия индивидуума как продолжения его самого, но и пантеистический модус миропостижения, значимый для тувинской национальной культуры. В лирических текстах Мижита инокультурные вкрапления довольно скудны. Примечателен тот факт, что этнокультурными коннотациями наделены, как правило, нейтральные слова русского языка (*орел, табун, охотник* и др.), которые при комплексной дешифровке обретают архетипическое и концептуальное значение. Однако в отдельных случаях поэт прибегает к использованию национально-маркированной лексики, которая сигнализирует о зонах перехода между художественно воссозданными онтологическими локусами:

Здесь Небо само
благословило это пространство
и позволило жить
во всех временах одновременно,
и назвало Тувой
это священное место,
эту священную землю,
где посчастливилось мне
родиться и жить
в слоистых потоках времен,
как в вечных водах родного Улуг-Хема.

Улуг-Хем — не просто гидроним, номинативно апеллирующий к конкретной географической реалии (река Енисей). В тувинской лингвокультуре это сакральный символ (в переводе на русский — «Великая река»), антропоморфный по своей природе: как человек, река (которая в тувинских сказаниях имеет дополнительные номинации Энэ-сэй «Мать-река» и Великий Отец) может грустить, радоваться, гневаться. Это великий дух родины, божество, соприкасающееся с человеком, дарующее ему витальную силу, изобилие, благодать. Включением этого заимствования в текст стихотворения автор позволяет читателю соприкоснуться с миром своей культуры — миром, в котором человек и природа едины и неразделимы.

В стихотворении «Место, где Бог» Мижит сравнивает Туву с таинственным звуком каргыраа:

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук *каргыраа*,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,
и встречаются здесь —
в душе человека.

Займствованное слово «каргыраа» для русскоязычного читателя «непрозрачно», оно требует дополнительных усилий для дешифровки. Если читатель осуществит интеллектуальную работу по распознаванию иноязычного элемента, он будет вознагражден. Каргыраа — разновидность горлового пения, рожденного в акте *вживания* (не подражания!) звукам живой природы с целью слияния с макрокосмосом — Вселенной. Древние тувинцы мыслили себя органической частью природного мира и стремились постичь его эссенциальную природу, вникнуть в суть познаваемого явления. В пении *каргыраа*, которое воспроизводило плач верблюдицы по верблюжонку, явлен и модус трагического (утрата), и стремление охватить — духовно — и интеллектуально — конечность жизни существа в его физическом воплощении, и понимание бесконечных трансформационных процессов жизни и бесконечности всего сущего, и принятие факта чередования жизни, смерти, возрождения, бытия в новом качестве. Это слово выполняет функцию архетипического кумулятива, культурного сигнификатора и концептуального конструкта, позволяя читателю приобщиться к ментальному пространству инокультурного бытия.

«Поэтическое творчество не ограничивается ретрансляцией культурных кодов... автор, избирающий русскоязычие одной из форм своего онтоязыкового бытия, генерирует новое знание о мире, производит новые смыслы, способствует трансформации воспринимающей его аудитории» [12. С. 234—235].

В русском художественном тексте писателя-билингва как в способе описания национального образа первичной культуры рельефно проявляется взаимосвязь между продуктами языковой и ментальной деятельности двух разных способов отражения действительности. Эту взаимосвязь можно охарактеризовать следующим образом: способ описания русскоязычным писателем художественного образа первичной культуры отображает и закрепляет выработавшийся в этом первичном национальном общественном сознании типовой способ осмысления фрагментов действительности, но речевыми средствами приобретенной языковой культуры, в которой, в свою очередь, выработан свой способ описания этих же фрагментов. Иными словами, в этом способе описания зафиксированный итоговый результат процесса осмысления мира той или иной культурой передается внешней культуре на естественном языке последней. Наличие в русской языковой культуре данного способа описания объекта свидетельствует о высокой степени ее кодируемости. Такой способ описания обусловлен тем, что «вторичный» языковой мир представлен в сознании творческого билингвального индивидуума как второй субъект наравне с первым. Национальный образ «первичной» языковой культуры предстает в этом случае в качестве объекта одновременно для двух субъектов. То есть речевая деятельность творческой билингвальной личности проходит в отличных от носителя языка условиях. Наличие двух разных типов языков и языкового поведения и чуткое реагирование читателя ставит перед такой личностью проблему смены кода и заставляет ее осознать существование отношений выбора между языковыми средствами, наличие правил этого выбора на «вторичном» языке. Это заставляет билингвальную личность изменять нормы общения. В русском тексте появляются необычные словообразовательные модели построения высказывания, заимствованные элементы из первичного языка писателя приобретают новые эстетические функции (в сравнении с русскими писателями)

и т.д. Благодаря этому достигается создание адекватного художественного (тюркского) образа.

В статье «О проблеме художественно-литературного двуязычия» Н. Михайловская пишет: «Проблема отдельного слова в национальном произведении может рассматриваться под двумя, относительно самостоятельными, углами зрения: в одном случае «точкой отсчета» является его понятийно-смысловое содержание, в другом — его художественно-выразительная функция» [13. С. 61].

Тюркизмы, вовлеченные в описание художественного образа, чаще выполняя номинативную функцию, способствуют выработке взгляда на культуру «внешнюю» (по Лотману) или на «Другое» (по Бахтину); одновременно с этим русская культура идентифицирует себя. Но наравне с этими качествами они приобретают новое, обогащенное при использовании их русскоязычными писателями. Здесь их использование выполняет не только и не столько номинативную функцию, сколько эстетическую, художественную, поскольку понятийное поле их расширяется в силу передаваемых на русском языке их семантических характеристик и тех значений, которые тесно переплетены с формами национальной культуры [14].

Заключение

Овладевая другим языком и осваивая литературные нормы приобретенного языка, творческая билингвальная личность усваивает выработанные предшествующими поколениями данной языковой культуры способы осмысления фрагментов внутреннего и внешнего мира и тем самым получает доступ к достижениям общественного сознания. Лексика с национально-культурным компонентом семантики выполняет самые разные художественные функции: сюжето- и текстообразующую, связанные с механизмом порождения текста как единого целого; оценочно-характеристическую, входящую в художественную систему текста как знак авторской модальности как прием интерпретации и эстетической оценки персонажа или сюжетной ситуации; характеризующую, положенную в основу раскрытия доминантных качеств личности персонажа; субъективно-познавательную, отражающую точку зрения персонажа по поводу тех или иных сюжетных ситуаций или выявляющую его субъективную эмоционально-экспрессивную оценку других действующих лиц; функцию конкретизации, используемую для описания психического и эмоционального состояния героя; символическую; кумулятивную; архетипическую; гносеологическую; концептуальную; экспланаторную.

Заимствованная лексика с национально-культурным компонентом семантики выступает своеобразным сигнификатором перехода в иную этнокультурную реальность, в которой читатель может приобщиться к новым для себя фрагментам действительности, а потому потенциал ее научного осмысления неисчерпаем.

Список литературы

1. *Гринберг С.А.* Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

2. *Гируцкий А.А.* Лексическая интерференция при переводе как особом виде билингвизма (на материале переводов белорусской поэзии на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1981.
3. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
5. *Бахтикиреева У.М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
7. *Орешкина М.В.* Тюркские слова в современном русском языке (Проблемы освоения). М.: Academia, 1994.
8. *Темиргазина З.К.* Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 18. № 1. С. 29–43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
9. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010
10. *Глостанова М.В.* Афанасий Мамедов: «За свою жизнь автор может неузнаваемо перемениться». Московский книжный журнал (26 октября 2014). URL: <https://morebook.ru/interv/item/1414347563173#gsc.tab=0>. Дата обращения: 29 августа 2020.
11. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. Екатеринбург: Урал. Гос. пед. ун-т, НИЦ Словесник, 2007.
12. *Валикова О.А., Шагимиреева Б.Е., Кулиева Ш.А.* Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 230–249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16
13. *Михайловская Н.Г.* О проблемах художественного двуязычия // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 63–65.
14. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ, 2009.

References

1. Grinberg, S.A. 2011. “Belorussko-russkii khudozhestvennyi bilingvizm v kognitivno-diskursivnom i lingvokul'turologicheskom aspektakh”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Print. (In Russ.)
2. Girutskii, A.A. 1981. “Leksicheskaya interferentsiya pri perevode kak osobom vide bilingvizma (na materiale perevodov belorusskoi poezii na russkii yazyk)”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Minsk. Print. (In Russ.)
3. Heidegger, M. 2008. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya*. Moscow: Akademicheskii projekt. Print. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. 1986. Moscow: Iskusstvo. Print. (In Russ.)
5. Bakhtikireeva, U.M. 1995. “Khudozhestvennyye funktsii leksiki s natsional'no-kul'turnym komponentom semantiki v romane Ch. Aitmatova «I dol'she veka dlitsya den'»”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Print. (In Russ.)
6. Kornilov, O.A. 2011. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*. Moscow: KDU. Print. (In Russ.)
7. Oreshkina, M.V. 1994. *Tyurkskie slova v sovremennom russkom yazyke (Problemy osvoeniya)*. Moscow: Academia. Print. (In Russ.)
8. Temirgazina, Z.K. 2020. “Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (1): 29-43. doi: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43

9. Kremer, E.N. 2010 Problemy rusko-inonatsional'nogo bilingvizma (yazykovaya i etnicheskaya identichnost' bilingval'noi lichnosti). Diss ...Candidate of Philology. Moscow. Print. (In Russ.)
10. Tlostanova, M.V. "Afanasii Mamedov: «Za svoyu zhizn' avtor mozhet neuznavaemo peremenit'sya»". Moskovskii knizhnyi zhurnal (Oct., 26, 2014). Web. Access: Aug., 29 2020. <https://morebook.ru/interv/item/1414347563173#gsc.tab=0>
11. Leiderman, N.L. 2007. "Russkoyazychnaya literatura — perekrestok kul'tur". In Vzaimodeistvie natsional'nykh khudozhestvennykh kul'tur: literatura i lingvistika (problemy izucheniya i obucheniya) Proceedings. Ekaterinburg, Oct., 23—24, 2007 g. Ekaterinburg: GOU VPO Ural. Gos.ped.un-t, NITs Slovesnik. Print. (In Russ.)
12. Valikova, O.A., B. E. Shagingereeva, and Kulieva Sh.A. 2020. "Kosmos v logose: translingval'naiia poeziia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova". New Research of Tuva 4:230-249. Print. (In Russ.)
13. Mikhailovskaya, N.G. 1979. "O problemakh khudozhestvennogo dvuyazychiya". Voprosy yazykoznaniya 2: 63-65. Print. (In Russ.)
14. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya). Astana: TsBO i MI. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО(У). E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a Ph.D in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: l.dianova56@mail.ru